

УДК 821.161.1 «18»

ОБРАЗЫ ПОМЕЩИКОВ-АНГЛОМАНОВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Марина Владимировна Цветкова

д. филол. н., профессор кафедры прикладной лингвистики
и межкультурной коммуникации

НИУ Высшая Школа Экономики – Нижний Новгород

603155, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12. mtsvetkova@hse.ru

Статья посвящена исследованию изображения помещиков-англоманов в русской литературе XIX в. Материалом для анализа стали произведения А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» и И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» и «Отцы и дети», в которых прослеживаются основные тенденции в изображении помещиков-англоманов в русской литературе названного периода. Увлечение английским образом жизни, способом ведения хозяйства, системой образования и воспитания неизменно преподносится в комическом ключе как глубоко чуждое русскому духу. Англomanия в произведениях обоих авторов представлена как явление поверхностное, не затрагивающее глубоко ни душу, ни сознание героев. Обнаруженные и описанные тенденции проецируются в то же время и на отношение к Англии и англичанам в русском обществе XIX в.

Ключевые слова: образы помещиков-англоманов; имагология; русская литература XIX в.; А.С. Пушкин; «Барышня-крестьянка»; И.С. Тургенев; «Дворянское гнездо»; «Отцы и дети».

Изучение образов «своего» и «чужого» – одна из самых популярных тенденций современного литературоведения, лингвистики, культурологии, истории. О ее актуальности свидетельствует появление специального направления гуманитарного знания, получившего название «имагология», которое занимается вопросами формирования образа «чужого», «другого» в литературе, культуре и общественном сознании разных народов [Ощепков 2010: 251]. В отечественном литературоведении имагология сегодня заняла свою нишу в рамках компаративистики, что подтверждается, в частности, появлением фундаментального труда О.Ю. Полякова и О.А. Поляковой «Имагология: теоретико-методологические основы» [Поляков, Полякова 2013].

В нашей стране начало изучению образа России и русских в английской литературе было положено одним из крупнейших российских англистов прошлого века Н.П. Михальской [Михальская 1995]. В XXI в. исследования подобной тематики, выполненные как литературоведами, так и историками, появлялись с завидной регулярностью. Достаточно упомянуть работы Е.Ю. Артемовой [Артемова 2000],

С.А. Данилина [Данилин 2006], Л.Ф. Хабибуллиной [Хабибуллина 2010] и др. Нельзя не отметить и труды, построенные на «обратной перспективе», в которых в центре внимания оказывался образ других культур в русской литературе; так, Н.В. Буткова [Буткова 2001] обращалась к образу Германии и немцев в творчестве Тургенева и Достоевского, В.А. Хорев [Хорев 2005] – к образу Польши и поляков в русской литературе. Однако эволюция образа англичанина, как и процесс формирования отношения ко всему английскому, в русской литературе остаются до настоящего времени почти не изученными. Вместе с тем подобное исследование могло бы пролить дополнительный свет на современное состояние русско-британских отношений, позволив осознать их корни, поскольку национальная литература является отражением картины мира народа и тончайшим инструментом для выявления происходящих в ней изменений. Таким образом, предлагаемый в статье анализ образов помещиков-англоманов в русской литературе обладает и новизной, и практической ценностью.

XIX в. был выбран для изучения не случайно: историки культуры отмечают, что с конца XVIII

столетия в России наряду с галломанией, которая постепенно идет на спад, начинает развиваться англomanия. Этот процесс был обусловлен двумя факторами: Французской буржуазной революцией, которая привела в ужас русскую аристократию и разочаровала прогрессивно настроенную общественность, с одной стороны, и впечатляющими успехами Великобритании в политическом, экономическом и культурном отношении, с другой. Война 1812 г. укрепила торговые и культурные связи с Британией, что способствовало росту интереса к государственным институтам этой страны и экономическим теориям, выработанным ее учеными.

Первые англomanы появляются в России в конце XVIII, что во многом было связано с личным интересом к Англии императрицы Екатерины II, совпавшим с ростом популярности этой страны во всей Европе. Увлечение английской культурой было свойственно в этот период прежде всего тем образованным представителям русской аристократии, которые сами побывали в Англии и испытали влияние ее культуры, уже вступившей в пору своего бурного расцвета. Достаточно вспомнить об эдинбургском салоне 1776 – 1779 гг. Е.Р. Дашковой, библиотекаре императрицы В.П. Петрове, литераторе С.С. Боброве, М.И. Плещееве, выступавшем в печати под псевдонимом «Англoman», и др.

Чем привлекала образованных россиян того времени Великобритания, отчетливо видно в «Записках русского путешественника» Николая Карамзина, где автор дает детальное описание английской жизни и английского характера, какими он увидел их во время своей поездки в эту страну. Он отмечает специфическое чувство юмора и эксцентричность британцев, свойственные им обостренное чувство справедливости и любовь к благотворительности, надежность данного ими слова, а также их представление о свободе, основанное на Великой хартии вольностей. Британское видение свободы, которое Карамзин формулирует как «... я живу, где хочу; уверен в том, что имею, не боюсь ничего, кроме законов» [Карамзин 1988: 475], не могло не поражать воображение современников, живущих в государстве, где до отмены крепостного права оставалось ждать еще три четверти века.

Подобных Карамзину образованных путешественников, побывавших в Англии и испытавших на себе ее влияние, было достаточно много, в результате чего английская манера одеваться в первой половине XIX в. все более успешно соперничает с французской модой (Онегин у Пушкина «как денди лондонский одет»), а вместо французских гувернанток все чаще приглашают

гувернанток английских. Что касается английского языка, то он так и не достиг той степени популярности, какую имел в высших кругах французский, который в начале века практически заменил в салонах русский язык. Тем не менее английский получил известное распространение в обществе, о чем свидетельствует исследование, проведенное М.П. Алексеевым [Алексеев 1976]. Мемуары и дневники современников подтверждают, что на рубеже XVIII–XIX вв. англофилов среди россиян насчитывалось достаточно много (см, например, «Записки» Ф.Ф. Вигеля (1786–1856) [Вигель 2000], «Мои воспоминания» лицейского друга Пушкина А.И. Дельвига (1798–1831) [Дельвиг 1912]).

К середине XIX в. политические отношения России и Великобритании, и без того непростые, обострились до предела. В 1853 г. разразилась Крымская война. К этому времени восхищение Англией в русском обществе постепенно сошло на нет, хотя из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», написанного в 1873–1877 гг., видно, как глубоко укоренилось к этому времени английское влияние в аристократической среде. Целый ряд героев носит здесь английские имена: Бетси, Долли, Китти, даже Стива является производным от английского Стив. Интересно, что в исторической эпопее «Война и мир», где действие перенесено в самое начало XIX в., многие герои имеют французские имена: Элен, Анатолий, Жюли и т.д. Сопоставление имен персонажей двух толстовских романов убедительно демонстрирует изменения, происшедшие в русском менталитете от начала к концу XIX в. О том, какое место в середине столетия занимал английский язык в ряду других иностранных языков, можно сделать вывод по брошенной вскользь Тургеневым в «Дворянском гнезде» характеристике Владимира Николаевича Паншина, который показан как человек, умеющий жить: он «говорил по-французски превосходно, по-английски хорошо, по-немецки дурно» [Тургенев 1954a:112].

Обзор русской классики XIX в. позволяет утверждать, что типичные для той эпохи образы, связанные с Англией, можно разделить на три категории – это английские путешественники («И путешественник залетный, перекрахмаленный нахал/ В гостях улыбку возбуждал/ Своей осанкою заботной/ И молча обмененный взор/ ему был общий приговор» [Пушкин 1986: 325] на страницах «Евгения Онегина» Пушкина и британская путешествующая чета в романе Лермонтова «Княгиня Лиговская»), английские гувернантки (пушкинская мисс Жаксон из «Барышни-крестьянки» и чеховская мисс Тфайс из

«Дочери Альбиона»), а также русские помещики-англоманы, образы которых ярко представлены Пушкиным в «Барышне-крестьянке» и Тургеневым в «Дворянском гнезде» и «Отцах и детях».

В «Барышне-крестьянке» англоманом является Григорий Иванович Муромский. Пушкин пишет о нем, что это был «настоящий русский барин». Промотав большую часть своего имения, он уехал в последнюю свою деревню, где «продолжал проказничать, но уже в новом роде»: развел английский сад, на который тратил почти все оставшиеся доходы, конюхов одел английскими жокеями, дочери завел английскую гувернантку, а поля стал обрабатывать по английской методе. Таким образом, англоманство представлено Пушкиным как склонность «чудить», характерная для русского поместного дворянства в целом. Показательно, что увлечение всем английским оказывается в приведенном описании поставленным на одну чашу весов с мотовством, результатом которого стал отъезд Муромского из столицы. К нововведениям Муромского Пушкин относится с иронией, граничащей с сарказмом. Упомянув об английской земледельческой методе, он подытоживает: «Но на чужой манер хлеб русский не родится» [Пушкин 1960: 100], а потому никакой выгоды Муромский от проведенных им преобразований не имел и даже продолжал влезать в долги. Автор описывает и критическое отношение других помещиков к англомании соседа. Самый яростным его оппонентом был Берестов, который, показывая гостю свои владения, в ответ на похвалы его хозяйственным распоряжениям говорил с лукавой усмешкой: «Да-с! <...> у меня не то, что у соседа Григория Ивановича. Куда нам по-английски разоряться! Были бы мы по-русски хоть сыты» [там же]. Таким образом, в «Барышне-крестьянке» увлечение всем английским, которое набирало обороты в ту пору, когда Пушкин работал над повестью, представлено как явление глубоко чуждое русской жизни, принимающее при столкновении с ней нелепые и комически формы.

В «Дворянском гнезде» англоманом показан Иван Петрович Лаврецкий. Его образ очень точно представлен Тургеневым как «продукт» сочетания галло- и англофилии, характерный, по видимому, для первой половины XIX в. Воспитанный гувернером-французом – бывшим аббатом, бежавшим в Россию от ужасов Французской революции, Иван Петрович впитал в себя идеи свободомыслия, которые выразились в том, что он, против воли родителей, женился на крепостной, от которой сразу же уехал в столицу, постеснявшись взять ее с собой. В дальнейшем по-

верхностно усвоенные французские идеалы причудливо смешались в его уме с английскими, которые он усвоил за годы, проведенные им в Великобритании при русской миссии в Лондоне.

Иван Петрович явился в Россию англоманом, по выражению Тургенева, «все в нем так и веяло Великобританией; весь он казался пропитан ее духом» [Тургенев 1954а: 131]. Увлечение Англией выразилось в его наружности («коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый гороховый сюртук со множеством воротничков» [там же]), гастрономических пристрастиях («страсть к кровавым ростбифам и портвейну» [там же]), а также манере держаться: «кислое выражение лица, что-то резкое и вместе с тем равнодушное в обращении, произношение сквозь зубы, деревянный внезапный хохот, отсутствие улыбки, исключительно политический и политико-экономический разговор» [там же]. Характеристика, которую дает герою Тургенев, косвенно помогает нам понять, каким представлялся его современникам образ англичанина. Из приведенных цитат совершенно очевидно, что образ этот виделся им как комический.

Изобразив Лаврецкого совершенным англоманом, Тургенев неожиданно сообщает: «Но – чудное дело! превратившись в англомана, Иван Петрович стал в то же время патриотом, по крайней мере, он называл себя патриотом, хотя Россию знал плохо, не придерживался ни одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно» [там же]. Если сопоставить Лаврецкого с героем романа «Отцы и дети» Павлом Петровичем Кирсановым, который показан одновременно англоманом и славянофилом, однако был уличен Базаровым в том, что, считая себя патриотом, совершенно не представляет нужд и чаяний простого народа, то становится ясным, что подобные типажи были характерны для России XIX в.

Возвратившись в имение, Иван Петрович намеревается провести «коренные преобразования» [там же: 132], которые в итоге свелись к тому, что «появились новые мебели из Москвы; завелись плевательницы, умывальные столики; <...> иностранные вина изгнали водки и наливки; людям пошили новые ливреи; к фамильному гербу добавилась надпись: «in recto virtus (в законности – добродетель)» [там же]. «Что же до <...> управления имениями, – иронично замечает Тургенев, – то, несмотря на неоднократно выраженное Иваном Петровичем намерение: вдохнуть жизнь в этот хаос, – все осталось по-старому, только оброк кой-где прибавился, да барщина стала потяжелее, да мужикам запретили

обращаться прямо к Ивану Петровичу: патриот очень уж презирал своих сограждан» [там же].

Перемены коснулись и воспитания сына. Иван Петрович объявил, что «хочет сделать из него прежде всего «человека», un homme» [там же: 134]. Показательно, что автор заставляет своего героя-англомана здесь, как и в ряде других эпизодов, прибегнуть к французскому языку. Методика воспитания юноши, описанная в дальнейшем, тоже демонстрирует смешение английского и французского: Лаврецкий «исполнение своего намерения <...> начал с того, что одел сына по-шотландски» [там же], вменил в обязанность гимнастику, музыку же, как занятие недостойное мужчины, «изгнал навсегда» [там же], зато велел обучать сына естественным наукам, международному праву, математике и столярному ремеслу, по совету Жан-Жака Руссо, а также геральдике для поддержания рыцарских чувств.

Мальчика будили в четыре часа утра, обливали холодной водой, после чего он должен был бегать вокруг высокого столба на веревке, ездить верхом, стрелять из арбалета, при всяком удобном случае упражняться в твердости воли и ежевечерне вносить в «особую книгу отчет прошедшего дня и свои впечатления» [там же]. Отец «...со своей стороны, писал ему наставления по-французски, в которых он называл его mon fils и говорил ему «vous», хотя по-русски они были на "ты"» [там же].

Выезжая из имения в Москву, Лаврецкий «прилежно посещал клуб, ораторствовал и развивал свои планы в гостиных» [там же], – т.е. вел себя как настоящий русский джентльмен. Однако в период реакции, воцарившейся после разгрома восстания декабристов, благоприобретенный европейский лоск быстро с него соскочил. Бывший джентльмен-вольтерьянец запирается в своем имении, начинает ложиться спать с петухами, париться в бане, ездить в церковь и заказывать молебны.

Если Иван Петрович Лаврецкий представлял поколение русских англоманов 20-х гг., то герой романа «Отцы и дети» Павел Петрович Кирсанов – представитель поколения 40-х. Сравнивая два этих образа, можно заключить, что за время, разделявшее их, мало что изменилось. Во взглядах Павла Петровича тоже английское переплетено с французским. Он постоянно использует в речи французские слова, не находя им эквивалентов в русском языке. В то же время Тургенев на страницах романа неоднократно называет его «джентльменом», изображает одетым то в темный английский «сьют», то в «изящный утренний, в английском вкусе, костюм» [Тургенев 1954б: 138]. Автор в деталях рассказывает о том,

как, живя в деревне, Павел Петрович « всю жизнь свою устроил на английский вкус» [там же: 146]. Он по часам пьет какао, которое в середине XIX в. ассоциировалось прежде всего с Англией, ведь именно там для знатных людей уже в XVII столетии появились специальные питейные дома, где подавали этот напиток. Вечерами герой сидит перед камином, который топится каменным углем (главным экспортером которого в Россию в то время была Великобритания), а соседей-помещиков старого покроя дразнит «либеральными выходками» [там же]. Впрочем, либеральные выходки могли не только обуславливаться английским влиянием, но и быть олицетворением влияния французского вольномыслия.

При описании Павла Петровича Кирсанова точно так же, как и при описании Лаврецкого, Тургенев постоянно смешивает в нем английское, французское и русское. Описывая приезд Аркадия, он отмечает: «Совершив европейское «shake hands», он три раза по-русски поцеловался с ним <...> и проговорил «Добро пожаловать» [там же: 134]. На той же странице, когда Аркадий и Базаров уходят, Павел Петрович говорит брату по-французски: «Я нахожу, что Аркадий s'est dégourdi (стал развязнее)». А в эпилоге, прощаясь, он говорит: «Будьте счастливы, друзья мои! Farewell!» [там же: 272].

Кирсанов постоянно приправляет свою речь французскими словами и даже некоторые русские слова произносит на французский манер (например, слово «принсипы»).

Либерализм Павла Петровича, подобно патриотизму Лаврецкого, носит аристократический характер. Тургенев иронически замечает, что он «всегда вступает за крестьян; правда, говоря с ними, <...> морщится и нюхает одеколон» [там же: 146].

Образы помещиков-англоманов во всех трех произведениях объединяет то, что авторы изображают их с явной иронией, а их увлечения английским образом жизни как поверхностные. Нововведения ограничиваются либо появлением в имении парка, разбитого на английский манер, и переодеванием лакеев в ливреи нового образца (Муромский), либо обустройством дома на английский лад (плевательницы и туалетные столики заводит Лаврецкий, английские рукомытники Павел Петрович Кирсанов). В то же время никаких глобальных позитивных изменений в имениях англоманов не происходит: у Муромского не прибавилось денег от ведения хозяйства на английский лад, у Лаврецкого ухудшилось положение крестьян: несмотря на либеральные взгляды хозяина, барщина с оброком увеличилась; Базаров иронически отмечает, что у него в

комнате английский рукомошник, а дверь не закрывается.

Увлечение английской культурой не затрагивает глубоко ни душу, ни сознание описанных Пушкиным и Тургеневым помещиков. «Англоманство» своих героев оба автора изображают как чудачество, от которого окружающим мало пользы.

Кроме того, авторы не могли не показать, что англоманья на русской почве принимает причудливые формы, смешиваясь, с одной стороны, с французским влиянием, а с другой стороны, с проявлением русского патриотизма.

Трактовка образов героев-англоманов самими писателями, равно как и изображаемое ими в произведениях (написанных в разные годы XIX в.) восприятие их окружающими, косвенно свидетельствует о том, что в России того времени отношение к Англии и англичанам неизменно оставалось настороженно-ироническим.

Примечание

¹ Подробное описание увлечения английской культурой и языком в России конца XVIII в. дает М.П. Алексеев в своей статье «Английский язык в России и русский язык в Англии» [Алексеев 1974].

Список литературы

Алексеев М.П. Английский язык в России и русский язык в Англии // Учен. зап. ЛГУ. Серия Филологические науки. № 72, вып. 9. Л., 1974. С.88–93.

Артемова Е.Ю. Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII века). М.: Ин-т российской истории РАН, 2000. 253 с.

Вигель Ф. Ф. Записки / под ред. С.Я. Штрайха. М.: Артель писателей «Круг», 1928; репринт М.: Захаров, 2000. 592 с.

Дельвиг А.И. Мои воспоминания. Т.4. М.: Моск. публ. и Румянцев. музей, 1912. 587 с.

Данилин С.А. Образ России и ее политики в англо-американской публицистике конца XIX – начала XX вв.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. М., 2006. 230 с.

Буткова Н.В. Образ Германии и образы немцев в творчестве И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Волгоград, 2001. 252 с.

Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853. М.: Наука, 1982. 322 с.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1988. 544 с.

Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе XI–XIX вв. М.: МПГУ, 1995. 150 с.

Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251–253.

Поляков О.Ю., Полякова О.А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: ООО Радуга-ПРЕСС, 2013. 162 с.

Пушкин А.С. Барышня-крестьянка // Собрание сочинений: в 10 т. / под общ. ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. Т.5. Романы, повести. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. 660с.

Пушкин А.С. Евгений Онегин // Собрание сочинений: в 3 т. Т.2. Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. М.: Худож. лит., 1986. 527 с.

Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Собрание сочинений: в 12 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1954а. Т.2. 326 с.

Тургенев И.С. Отцы и дети // Собрание сочинений: в 12 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1954б. Т.3. 412 с.

Хабибуллина Л.Ф. Миф России в современной английской литературе. Казань: Казан. ун-т, 2010. 205 с.

Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М.: Индрик, 2005. 231 с.

References

Alekseev M.P. Anglijskij jazyk v Rossii i Russkij jazyk v Anglii [The English Language in Russia and the Russian Language in England]. Uchjonye Zapiski LGU. Serija Filologicheskie Nauki. [Leningrad State University Proceedings. Philology]. Leningrad. 1974. № 72. Iss. 9. P. 88–93.

Artjomova E.Ju. Kultura Rossii Glazami Positivshikh ejo Francuzov (Poslednjaja Tret' 18 Veka). [Russian Culture Through the Eyes of the French Who Visited It (The Last Third of the 18th Century)]. Moscow: Russian History Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2000. 253 p.

Butakova N.V. Obraz Germanii i Obrazy Nemcev v Tvorchestve I.S. Turgeneva i F.M. Dostojevskogo. Diss. kand. fil. nauk [The Images of Germany and the Germans in the Works of Ivan Turgenev and Fyodor Dostoevsky. Cand. philol. sci. Diss.]. Volgograd, 2001. 252 p.

Delvig A.I. Moi Vospominanija [My Memoirs]. Vol. 4. Moscow: Moscow publ. and Rumyantzev Museum Publ., 1912. 587 p.

Erofeeva N.A. Tumannyj Al' bion. Anglija i Anglichane Glazami Russkikh. 1825–1853 [The Foggy Albion. England and the English through the Eyes of

the Russians. 1825–1853]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 322 p.

Karamzin N.M. Pis'ma Russkogo Puteshestvennika [Letters of a Russian Traveler]. Moscow: Pravda Publ., 1988. 544 p.

Khabibulina L.F. Mif Rossii v sovremennoj anglijskoj literature [The Myth of Russia in Contemporary English Literature]. Kazan: Kazan University Publ., 2010. 205 p.

Khorev V.A. Pol'sha i poljaki glazami russkikh literatorov. Imagologičeskije očerki [Poland and the Polish Through the Eyes of the Russian Writers. Imagologic Sketches]. Moscow: Indrik Publ., 2005. 231 p.

Lanilin S.A. Obraz Rossii i ejo Politiki v Anglo-amerikanskoj Publicistike Konca 19 – Nachala 20 vv. Diss. kand. ist. nauk [The Images of Russia and Its Politics in Anglo-American Journalism of the Late 19th – Early 20th Century. Cand. hist. sci. Diss.]. Moscow, 2006. 230 p.

Mikhalskaja N.P. Obraz Rossii v anglijskoj khudozhesvennoj literature 11–19 vv. [Representation of Russia in English Fiction of the 11th–19th Centuries]. Moscow: Moscow Pedagogical State University Publ., 1995. 150 p.

Oshhepkov A.R. Imagologija [Imagology]. Znanije. Ponimanije. Umenije. [Knowledge. Comprehension. Skills]. 2010. № 1. P. 251–253.

Poljakov O.U., Poljakova O.A. Imagologija: teoretiko-metodologičeskije osnovy. [Imagology: Theoretical and Methodological Foundations]. Kirov: OOO Raduga-PRESS, 2013. 162 p.

Pushkin A.S. Baryshnja-Krestjanka [The Squire's Daughter]. Sobranie sochinenij v 10 t. T. 5. Romany, povesti [Collected Works in 10 vols. Vol. 5: Novels, Stories] / ed. by D.D. Blagoj, S.M. Bondi, V.V. Vinogradov, U.G. Oksman. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1960. 660 p.

Pushkin A.S. Evgenij Onegin [Eugene Onegin]. Sobranie sochinenij v 3 t. T. 2. Poehmy. Evgenij Onegin. Dramatičeskije proizvedenija [Collected works in 3 vols. Vol. 2. Poems. Eugene Onegin. Plays]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1986. 527 p.

Turgenev I.S. Dvorjanskoe gnezdo [Home of the Gentry]. Sobranie sochinenij: v 12 t. [Collected Works in 12 vols.]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1954. Vol. 2. 326 p.

Turgenev I.S. Otcy i deti [Fathers and Sons]. Sobranie sochinenij: v 12 t. [Collected Works in 12 vols.]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1954. Vol. 3. 412 p.

Vigel' F.F. Zapiski. [Diary] /ed. by S.Ja. Shtrajkh. Moscow: Artel' pisatelej "Krug" Publ., 1928; Moscow: Zakharov Publ., 2000. 592 p.

IMAGES OF SQUIRES-ANGLOMANIACS IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XIXth CENTURY

Marina V. Tsvetkova

**Professor in the Department of Applied Linguistics and Intercultural Communication
National Research University Higher School of Economics – Nizhny Novgorod**

The article examines the images of squires-anglomaniacs as they are depicted in Russian literature of the XIXth century. The analysis is based on Alexander Pushkin's novel «The Squire's Daughter», and two novels by Ivan Turgenev, «A House of Gentlefolk» and «Fathers and Sons». These novels are representative of the general way anglomaniac characters are depicted in Russian literature of the period. The squires' obsession with the English lifestyle, education, farming, housekeeping and child rearing methods is treated in a comic vein. Both authors show anglomania as a superficial phenomenon, which is not deeply rooted in the minds of their characters. The peculiarities of the representation of squires-anglomaniacs are projected onto the general attitude to England and the English in Russian society of the XIXth century.

Key words: images of anglomaniac squires; imagology; Russian literature of the XIXth century; Alexander Pushkin; «The Squire's Daughter»; Ivan Turgenev; «A House of Gentlefolk»; «Fathers and Sons».